

«Мятеж»

(глава 8 из романа Луи Ури «Пролетарии» М., «Прогресс» 1977г)

В понедельник 1 августа (1955 г), проведя выходной, как обычно, я отправляюсь на завод по пути, который каждый пролетарий Франции или Наварры называет гораздо более поэтично: «Улица, где нет радости». В какой уж раз я оказываюсь затертым в толпе еще задолго до того, как добираюсь до территории Пеноет. В какой уж раз ставлю свой велосипед к стене и протискиваюсь в самую гущу собравшихся на митинг.

Оратор комментирует пресловутое личное письмо, направленное каждому рабочему, с требованием сделать выбор и взять всю ответственность за это решение на себя. Но ответственное решение уже принято, каждый держит в руке письмо.

— Годится только на то, чтобы им подтереться,— слышно повсюду.

Что касается меня, то по неизвестным причинам я не получил никакого письма, как, впрочем, и все, кто проживает в гостинице «Холостяк».

В тишине, нарушаемой время от времени возбужденными криками, парень продолжает говорить еще почти целый час. От имени трех профсоюзов он объявляет, в частности, что теперь будут применяться новые формы борьбы: короткие забастовки в течение одного часа по очереди в каждом цехе, во время которых рабочие будут собираться перед зданием дирекции. Это значит, что по установленному графику все цехи будут бастовать в продолжение дня, иначе говоря, около тысячи рабочих будут все время стоять перед директорскими кабинетами; срок этих забастовок не ограничен.

Это всего лишь призыв представителей низов, низы сами придут к этому решению. Напряжение достигает предела, ребята еще не переварили пресловутое письмо. В довершение всего солнце шлет на нас свои знойные лучи, а содержатели кафе, позволяющие себе в этот день широкий жест, зазывают:

— Пропусти стаканчик, паренек, сегодня угощает хозяин.

По понедельникам в кафе Пеноета можно выпить за счет хозяина, это традиция, которую поддерживают. Для завсегдатаев это проще простого, но, поскольку каждый пролетарий «приписан» к какому-нибудь определенному кафе, головы распаляются, ребят лихорадит. Для них хватить лишку — это уж положено. Поэтому около десяти часов перед дирекцией нас снова собирается почти десять тысяч, а ведь по директиве профсоюзов должно было собраться шестьдесят рабочих из моего цеха. Профсоюзные руководители выходят из себя, хотя и пытаются как-то направить в нужное русло течение событий, произнося импровизированные речи. Но рабочие делают вид, что их не замечают, или иногда отвечают им, и тогда начинается мордобой.

Затерявшись в этой разгневанной толпе, я внезапно натыкаюсь на Даниэля, своего приятеля по «Холостяку».

— Не хватает разве что РРБ,— бросает он мне со смехом.

— Пусть заявятся! — Тон, каким я ему ответил, поражает меня самого.

Письма, позорящие рабочих, смяты и брошены в кучу, которая быстро растет. И вдруг какой-то парень щелкает зажигалкой и поджигает их. Этот символический, или, вернее сказать, кажущийся символическим, а на самом деле ребяческий жест тем не менее окажет большое влияние на последующий ход событий.

В самом деле, в нескольких метрах от нас находится будка охраны. Этот обшарпанный домишко, поставленный подъемным крапом перед одним из входов для наблюдения за подступами к судовой трубе, вскоре окутывается плотным дымом. И хотя нет ни малейшего ветра, волна жаркого воздуха, поднимающаяся вверх от «фейерверка», переносит горящие листки на крышу сторожки. Дерево этой крыши настолько пересохло, что мгновенно охватывается огнем с легкостью, которая многим покажется подозрительной.

Сторож едва успевает выскочить, как с треском взрывается пламя. Это происшествие находит положительный отклик у рабочих. Громовой раскат радостных криков приветствует разгорающийся пожар. Надо сказать, что сторожа у нас не очень-то пользуются уважением, зачастую этот пост занимают жандармы в отставке. А для них «не положено» значит не положено. И вечером при выходе с завода они обыскивают сумки, привязанные к велосипеду, и отнимают бросовые материалы, которые какой-нибудь парень пытается вынести для домашних поделок. В результате ему снижают квартальную премию, а иногда дело доходит до увольнения.

Внезапно тревожные сигналы пожарных машин присоединяют свои механические голоса к^{Стр.2} нестройному гулу «машинного мяса». Поднятые по тревоге неизвестно кем, пожарники примчались со всем своим снаряжением. Они с трудом прокладывают себе путь в толпе, которая ведет себя относительно сдержанно. В конце концов им удается включить насосы, и вот тогда-то один из пожарников совершает оплошность, сыгравшую решающую роль. Нарочно — так будут утверждать рабочие, бывшие свидетелями этого; нечаянно — будут возражать пожарные. Так или иначе, но злополучный пожарник направил струю воды не на пламя, а на рабочих, и всего за несколько секунд мощная струя сшибла с ног нескольких человек. Реакция следует незамедлительно. Несмотря на призывы к спокойствию кое-кого из делегатов, в пожарных полетело несколько камней. Между тем пожар они уняли и, чтобы не усугублять обстановку, быстро уезжают. Их отъезд приветствуют бурно, кто как может.

Накал не спадает. Здание дирекции забрасывается камнями, окна разлетаются вдребезги. Ребята пытаются оторвать решетку от входа, им это почти удается, но тут появляются РРБ (Республиканские Роты Безопасности). Строевым шагом они заходят в тыл судоверфи. Все удивлены, потому что самый короткий путь на судоверфь лежит через территорию Пеноет. Бастующие быстро догадываются о хитрости РРБ. Раз они не решились пересекать территорию, значит, считают себя недостаточно сильными, чтобы изгнать оттуда десять тысяч парней, ее занимающих. Поэтому они избрали другой, единственно возможный путь — через мост Дуан. Этот разводной мост позволяет попасть на судоверфь со стороны города, в добром километре от предместий Пеноета, занятых забастовщиками. Затем силы порядка окружают некоторые цехи и стапели, миновав ремесленную школу — великий рубеж, где сын пролетария превращается в источник обогащения хозяев.

Появление РРБ мобилизует парней меньше, чем за четверть часа. И хотя уже начало первого и многие из рабочих собирались пойти домой поесть, все решают остаться и дать отпор легавым.

Силы порядка занимают здание дирекции. Начинается бомбежка: болты, галька, булыжники — все, что можно швырнуть, годится для этих бездельников, надоевших народу хуже горькой редьки. Ругань, крики, обрывки фраз, вопли сливаются в общий гул и растут, а это может значить только одно — поднимается гнев народный. В такой атмосфере человек неизбежно чувствует, как в глубинах его души пробуждаются неутоленные инстинкты, и среди них — жажда самому вершить правосудие.

События разворачиваются в той же последовательности, что и в июне. Ребятам удается разворотить решетку, закрывающую вход в дирекцию. РРБ атакуют первый раз успешно, на некоторое время даже перейдя врукопашную. Подступы к дирекции очищены, но силы порядка не используют своего преимущества.

Это их ошибка, ибо за несколько минут вырастает баррикада, изолирующая дирекцию от котельного цеха. Два вагона, как раз находящиеся там, опрокидывают один рядом с другим, платформами к РРБ. Эта преграда высотой в два и длиной около двадцати метров закрывает доступ в цех. А кое-кто из ребят, взобравшись на оси, с переменным успехом продолжает бомбежку блюстителей порядка. Видимо, уже половина первого; итак, я оказываюсь позади баррикады, внутри своего цеха, в котором засело несколько тысяч забастовщиков.

То, что я там увидел, поражает меня до крайности: пущены в ход ножницы для резки металла и дыропробивные прессы, и с их помощью заготавливаются стальные «снаряды». Ребята, которые этим заняты, проявляют такое рвение, будто решили выколлотить процентную надбавку. На дыропробивных прессах стальные листы средней толщины (максимум один сантиметр) разделяются при помощи пробойника № 20. Листы примерно такой же толщины превращаются ножницами в «снаряды» еще более опасные: маленькие треугольнички с двумя острыми углами, если их швырнуть с силой, вполне могут пробить любой мундир. Другие группы рабочих, рассеянных по пролетам, «специализировались» на изготовлении «метательных аппаратов» — из резиновых полосок они мастерят рогатки.

Сотни забастовщиков толпятся вокруг «центров производства», один получает свою рогатку, другой набивает карманы металлическими обрезками. Всюду царит ожесточенная решимость: час пробил — или сегодня, или никогда! Но не все заняты этой кипучей деятельностью, кое-кто спокойно открывает сумку с харчами и с отменным аппетитом замаривает червячка. На них я поглядываю с легкой завистью — у меня живот подвело от голода. Несколько минут раздумываю, не пойти ли купить бутербродов. Через один конец цеха еще можно проникнуть на территорию, поэтому и продолжается бесконечное хождение взад-вперед и появляются новые пришельцы, самые отчаянные. А многие из тех, кто хлынул в цех во время атаки РРБ, сейчас, напротив, благоразумно смываются.

Даниэль тащит меня к пролету разметчиков, к тому, что примыкает к дирекции и огромный портал которого сейчас открыт настежь. Я узнаю стоящего на монтажной плите Леона, анархо-синдикалиста. Старый Леон обращается к молодежи, и она его слушает, но надо сказать, что большинство молодых

ребят протискиваются в первые ряды с единственной целью: набить морду легавым, и я среди^{Стр.3} них. Конечно, мы не обладали зрелостью современной молодежи и не были особенно привержены какой-либо идеологии. Коммунистическая молодежь и католическая рабочая молодежь — вот два движения, которые нам были известны. Тогда это были небольшие группки, расцветшие в наше время, как маргаритки по весне.

Леон говорит с обычной приподнятостью:

— ...уже целый век все завоевания рабочего класса достигаются только силой. **Только силой можно чего-то добиться, а парламентаризм с его вежливостью затыкает рот угнетенным.** Не слушайте тех, кто вам говорит о достоинстве. Классовая борьба — это прежде всего смена революционных эпизодов. И ныне, товарищи, обстоятельства позволяют нам навязать свою волю. Вперед, на буржуазию! Бей легавых!

Леон не может продолжать. Завыли сирены. Я смотрю на часы — половина первого, никто не работает, и вообще в это время никаких гудков не должно быть. Между тем их вой, от которого вот-вот перехватит дыхание, продолжается. Под этот непривычный рев вопросы так и сыплутся, высказываются самые нелепые предположения. Некоторые утверждают, что РРБ хотят таким образом выставить нас из цехов, но котельщики привыкли и не к такому!

Тут появляется какой-то парень, проникший в цех через маленькую дверь, расположенную за печью. Он принес новость, которая мгновенно распространяется по цеху и по всей территории. Несколько сот рабочих незаметно обошли стапели и оказались в тылу РРБ. Заняв монтажный цех, они оттуда пробрались в кабину начальника охраны и включили сирены с целью поставить на ноги весь город и пронять общественность. Одновременно несколько сот ребят забаррикадировались в монтажном цехе и бомбят РРБ.

Наполовину одурев от осатанелого завывания сирены, я выхожу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Пылающее, но и целительное солнце восстанавливает мои силы за несколько секунд, едва я покинул душливую жару и суматоху цеха. Территория черна от народа, мне говорят, что трудящиеся всех заводов Сен-Назера собрались здесь и что с минуты на минуту придут еще три-четыре тысячи строителей. Ни и без строителей общее количество рабочих судоверфей Пеноета, Луары, Сен-Дени и авиационного завода приближается к двадцати тысячам. Среди этих двадцати тысяч есть, конечно, и зрители, и их немало, есть и бесхребетные, но двенадцать тысяч по крайней мере знают, чего хотят. И движут ими два побудительных мотива: большинство желает прежде всего и любой ценой улучшить условия нашего существования, меньшинство видит свою цель в том, чтобы «отделать» нескольких легавых и утвердиться в собственных глазах. Это, конечно, молодежь. И именно под ее давлением был сделан выбор. Возможно, это и достойно сожаления, но факт налицо.

Теперь несколько слов о противной стороне.

По правде говоря, никто толком не знал численности полицейских отрядов, введенных в действие... по вполне очевидной причине, которая станет ясной из следующих страниц. Прежде чем написать эти строки, я постарался просмотреть архивы нескольких газет, произвел кое-какие подсчеты — данные не всегда совпадают — но без большого риска впасть в ошибку могу назвать цифру: четыре тысячи человек подвижного состава жандармерии и РРБ.

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ полицейских в касках, хорошо вооруженных — это не пустяк.

«Отделать» их можно только объединившись, иначе плетью обуха не перешибешь.

Поэтому перед котельным цехом сооружается новая баррикада из катучего крана и вагона, груженого листовой сталью. Эта баррикада, весящая почти сто тонн, не позволяет полицейским проникнуть на территорию; поднявшись на баррикаду, самые отчаянные приглашают остальных присоединиться к тем, кто остался в цехе и бомбит легавых.

Над этими опаленными солнцем сооружениями несется тоскливый и неумолчный вой сирены. А на башне здания дирекции стрелки часов продолжают описывать круги. Часы ведь отсчитывают время для всех: для легавых и для забастовщиков, для бедняков и для миллиардеров. Только над временем да смертью не властны сильные мира сего.

Часы показывают тринадцать тридцать, когда РРБ начинают атаку. Они явно хотят разрушить баррикады. Но завод — это не Латинский квартал, и вагон, груженный сорока тоннами листовой стали, — это не баррикада из перевернутых автомобилей, которую можно поджечь, бросив несколько ручных гранат, и проход открыт. Баррикаду из вагонов надо брать приступом, а если на ней находятся решительно настроенные и крепкие ребята, способные долго продержаться, и эти ребята вас ждут со стальными прутьями в руках, то можно быть сколько угодно вооруженным, дисциплинированным и тренированным — все равно, пока пет приказа открыть огонь, блюстители порядка подвергаются тяжелому

Однако силы порядка переходят в наступление. Первое препятствие, которое они встречают на своем пути,— это стена, созданная платформами двух вагонов, поставленных один рядом с другим. Град «снарядов» сшибает с ног нескольких полицейских, раздаются ликующие крики. Но длется они недолго — раненых быстро убирают. В 1968 году я неоднократно был участником или свидетелем уличных боев. И каждый раз я не переставал восхищаться — иначе не скажешь,— с какой легкостью всего за несколько секунд, ну словно по волшебству, раненый из РРБ исчезал с глаз долой. И складывается впечатление, будто нерушимая шеренга шагает по улицам. **Благодаря этому их умению сохранять строй создается видимость непобедимой мощи, скорее кажущейся, чем реальной.**

Десяток слезоточивых гранат взрываются за этой баррикадой, но без большого ущерба. Легавые не обрушиваются со всей яростью на препятствие, которое лишь заслоняет доступ в котельный цех. Почему они перестали размахивать своими гранатами в этом месте, мы, рабочие, хорошо знающие территорию, поняли только спустя час, поняли потому, что всего в нескольких метрах от баррикады находится небольшое помещение из бетона, в котором хранятся баллоны с кислородом и ацетиленом. Достаточно взрыва одной гранаты, и тонны разорванных в клочья человеческих тел обгарят кровью мостовые Пеноета на сто метров вокруг.

Главные силы частей пробегают вдоль этой первой баррикады и направляются к территории, где кишмя кишит все более плотная толпа. Сейчас время каникул, и ребятня из предместий прибежала со своими рогатками. Эти Гавроши наших дней прошмыгнули в первые ряды и напоят своим дерзким присутствием о близости прогнивших барачков Эрбина, в которых ютятся. Достигнув подступов к баррикаде, заслоняющей им доступ на территорию, полицейские бросают слезоточивые гранаты, пытаются освободить себе проход, но слабый восточный ветерок не дает газам подняться от земли и гонит их к позициям РРБ, которые и без того не очень крепки. Я нахожусь немного поодаль и вижу, что баррикада держится хорошо и что ребята, взобравшись на кран и на вагон, лупцуют камнями полицейских. Те оказались в настоящей ловушке. Остановленные баррикадой, они не в состоянии предпринять обходного маневра: слева от них — док глубиной в пятнадцать метров, а справа — котельный цех, занятый несколькими тысячами бастующих. Ребята слегка откатали массивные двери пролетов, выходящих на улицу, и через образовавшиеся щели в упор стреляют из рогаток своими опасными железками. Среди РРБ много раненых, что вынуждает офицеров попытаться захватить цех.

А для этого существует одна возможность: взять приступом баррикаду из вагонов, которая кажется наиболее уязвимой. Приступ начался около четырнадцати часов силами нескольких рот. Первые минуты рабочие сохраняют преимущество, но они действуют неорганизованно, и одной их храбрости недостаточно, чтобы сдерживать натиск дисциплинированных рот, стремящихся их подавить. «Снарядов» ребятам не хватает, они начинают поодиночке отступать и прятаться в цехе. Несколько типов из РРБ взбираются на баррикаду и тотчас принимаются ставить вагоны на колеса, чтобы дать возможность перегруппироваться своим частям перед тем, как ринуться в атаку на цех. Разрушив баррикаду, они перестраивают свои ряды под лавиной «снарядов», направленных на них из пролета разметчиков.

В это время какой-то рабочий выскакивает из помещения, где хранятся газовые баллоны, неся в руках баллон с ацетиленом. Он быстро кладет его на пыльную землю и открывает кран, направляя струю газа к баллону с кислородом, который лежит неподалеку без защитного колпачка. Парень, должно быть, рассчитал свои действия: схватив кувалду, лежащую поблизости, он размахивает ею над головой, широко расставив ноги, а затем вызывающе обращается к легавым, застывшим меньше чем в десяти метрах от него:

— А теперь подходи кто не баба!

И будь ты особо отличившимся бойцом РРБ или новичком, все равно почувствуешь себя, как и каждый, кому вдруг в спину уперлось дуло револьвера и чья жизнь хладнокровно поставлена на карту. Иными словами, легавые оказываются нейтрализованными.

Будучи не сведущими в вопросах техники, они не могут знать, что смесь кислорода с ацетиленом дает взрыв. Эти хилые недоумки, обремененные свидетельством об окончании начальной школы, напуганы только тем, что по форме баллон напоминает бомбу. Но рабочие, которые находятся поблизости, с первого взгляда поняли: если парень обрушит кувалду на головку баллона с кислородом, и легавые и забастовщики окажутся в одинаковом положении, и к тому же навсегда.

Несколько минут длится эта неопределенность, испытывая нервы в обоих лагерях, и без того предельно напряженные. Легавые застыли плотными рядами, рабочие постепенно прекращают бомбежку, и над участниками этой сцены повисает гробовая тишина, нарушаемая гулом толпы, собравшейся

на территории.

Однако простой пролетарий, который нагнал страху на всех, вдруг осознает всю меру своей ответственности. Ибо даже самый смелый пролетарий все же не актер, привыкший играть на публику, **но человек, который ведет незримую борьбу, чтобы прокормить семью и еще тьму паразитов, порожденных капиталистическим обществом.** Итак, простой пролетарий замечает, что стал центром конфликта и что тысячи испуганных взглядов сосредоточились на его скромной личности. Он мгновенно взвешивает последствия того, что он поклялся совершить, и внезапно в ярости швыряет кувалду в сторону РРБ. Она падает, вертясь, среди моря касок и на несколько секунд отвлекает внимание, чем и пользуется парень, улепетывая со всех ног в цех.

Ответный удар не заставляет себя ждать. Беглым шагом, с дубинками в руках РРБ проникают в цех через открытую настежь дверь тракторного пролета.

Я все еще нахожусь на территории, как и большинство бастующих, с пустым желудком. Я не видел сцены с газовым баллоном, мне о ней рассказали назавтра, когда уже весь город об этом говорил. Поднявшись на небольшую стенку, которая окаймляет сухой док № 1, мы видим, как РРБ сотнями врываются в котельный цех. Я решаю то же, что и тысячи других парней:

— Идем туда!

И мы пошли. Пошли с таким подъемом, что, если бы не дверь арматурного пролета, огромная шеренга из сотни ребят, плечом к плечу, хлынула бы в котельный цех. Стиснутый ревущей толпой, которая меня понесла, подталкиваемый другими и толкаясь сам, я наконец проскакиваю в дверь и, словно выпущенный из катапульты, оказываюсь в первых рядах. Метрах в двадцати от меня яростно дерутся врукопашную.

РРБ с легкостью заполонили пролет разметчиков — его широкое пространство, где разметчики раскладывают стальные листы, дает возможность развернуться силам порядка. Таким образом, этот пролет оказывается оккупированным РРБ. Но в других трех пролетах творится полная неразбериха. Примыкающий к пролету разметчиков печной пролет представляет собой естественную баррикаду из станков, дыропробивных и гибочных прессов, механических ножниц и окружающих их куч стального лома. Да еще здесь находятся в стадии монтажа паровые котлы, подступы к которым загромождены разными материалами. В такой свалке невозможно пробежать по прямой больше чем пять метров. И нет никакой необходимости посещать Сен-Сир, чтобы понять, что на таком плацдарме личная инициатива берет верх над групповой. Два других пролета — пролет кузнечного цеха и пролет Р-41 представляют собой ту же картину; изготовленные здесь паровые котлы стали гордостью французского морского флота. Что же касается четвертого пролета, пролета механической обработки, РРБ не смогли туда сунуть нос.

На это поле брани можно прийти с голыми руками: стоит только нагнуться и поднимешь оружие... Однако мне не понадобилось никакого оружия, чтобы уложить на обе лопатки моего первого легавого из РРБ. Я его заметил, когда он отбивался от двух забастовщиков и размахивал своей дубинкой, словно путешественник, прокладываящий себе путь в джунглях тесаком. Находясь в нескольких шагах от него, я смог разбежаться и налетел на него с левой стороны; заехав плечом ему в бедро, я обеими руками ухватился за его колени и, почувствовав, как он оторвался от земли, тут же выпустил его. Он грохнулся всей своей тяжестью на кучу стального лома, и его каска зазвенела, радуя мой слух. Но, увлекшись, я очутился в положении человека, потерявшего контроль над своим автомобилем: до меня вдруг доходит, что я лечу напрямик на другого легавого и что наше столкновение неизбежно. А он меня спокойно ждет, уверенный, что я никуда не денусь от его дубинки. Меня так и подмыло, и я удивляюсь этому и по сей день, только в двадцать лет удастся такое — какой-то яростный толчок швыряет меня навстречу и на сотую долю секунды я предупреждаю его удар дубинкой. Лбом врезаюсь ему в живот и чувствую, как он закачался. Потом отскакиваю в сторону, и мне удастся наконец добежать до своих, растолкав нескольких рабочих. Я даю себе время перевести дух и невольно становлюсь свидетелем поразительного зрелища.

В цехе стоит какой-то странный кавардак. Прежде всего, непривычный для этого места шум, напоминающий шум крытого рынка, только удешевленный: все орут и ругаются на чем свет стоит и оскорбляют друг друга. К тому же время от времени слышны взрыв гранаты и противный лязг рассыпающейся кучи металлического лома. Под эту какофонию и рабочие и полицейские забывают о том, что жены и дети с волнением ждут их возвращения домой... забывают они и о том, что некие ловкие люди уже прикидывают, как повлияет такой конфликт на состояние биржи. Движимые одинаковой яростью, полицейские и рабочие атакуют друг друга, но прибегая к разным средствам. И все средства хороши. Горе одиночке! Впятером или вшестером мы гонимся за типом из РРБ, который слишком да-

леко забежал вперед — стальные прутья обрушиваются на его хребет. В следующую минуту уже^{Стр.6} я улепетываю от нескольких легавых, едва не попадаю им в лапы, но все-таки удираю, поскольку знаю все закоулки цеха.

Иногда, словно по волшебству, десяток-другой ребят исчезает среди сил порядка, и все-таки РРБ потеряли инициативу, как только проникли в цех. **Вымуштрованные для уличных боев, они ничего не могут сделать против людей, знающих все лазейки в этом нагромождении деталей.** На высоте пятнадцати метров от земли рабочие заняли подкрановые рельсы и метко попадают в тех из РРБ, кто пытается лезть вверх. Другие занимают кабины мостовых кранов и маневрируют ими так, чтобы грузоподъемный крюк передвигался на высоте человеческого роста, причиняя некоторый ущерб полицейским. Третьи зажигают факелы из пропана, который обычно применяется для накаливания деталей при сварке. Ребята бросаются в атаку с этими «огнеметами», изрыгающими огонь, и сеют неописуемую панику среди легавых.

Я потерял всякое представление о времени, по мне даже не приходит в голову взглянуть на часы. **Смысл моего существования сейчас заключается в том, чтобы вышвырнуть РРБ вон из цеха, и всеми моими товарищами владеет то же желание.** Подобно средневековым воинам, некоторые обрушиваются на полицейских с длинными стальными шестами, против которых дубинки кажутся до смешного беспомощными. Другие дерутся, вооружившись факелом, пропитанным мазутом, обычно служащим для отопления печи. Но так или иначе, инициатива принадлежит забастовщикам.

И вдруг мы слышим громкий крик, который отдается под сводами цеха, как раскаты грома. Пронзительные свистки врываются в приглушенный гул боя. РРБ отступают на всех фронтах, не в силах сдержать стремительный штурм пролетариев. Офицеры вынуждены признать, что дали маху, поведя свои войска в цехи, и отдают команду об отступлении. Но уже слишком поздно, любая перегруппировка оказывается невозможной. Неодолимое наступление металлистов отбрасывает их с самой передовой позиции: пролета Р-41. Происходит яростная рукопашная схватка в пролетах печном и кузнечном. Забастовщики хлынули со всех сторон, и, взятые в клещи, РРБ отброшены в проход, ведущий на улицу. В этом проходе творится полная неразбериха. Силы порядка пытаются вести арьергардный бой, обреченный на провал. В самом деле, недаром получила широкую известность во всем мире самая эффективная тактика партизан: все уже сжимая кольцо вокруг противника, пусть даже вооруженного до зубов, его лишают мощи. РРБ рассчитывали отбиться с помощью слезоточивых гранат, но во время схватки с них посрывали маски и очки. Вскоре дышать становится невозможно. У меня течет из носа, горло дерет, глаза слезятся. Все оказываются в одинаковом положении, и это еще больше разжигает ярость, обуевающую людей.

Слишком натянутая резина вдруг лопається. Боевой дух вышибленных отовсюду РРБ значительно надаёт, и это толкает их к единственно возможному решению: отступить. Отступление начинается стремительно; сначала легавые отходят группками, но вскоре мы наблюдаем уже настоящее паническое бегство. Их бомбят, преследуют, и они драпают сломя голову. Кое-кто из ребят пытается закрепить преимущество, но их отговаривают те, кому показалось, будто у легавых автоматы, и кто боится, как бы, дойдя до точки, они не открыли огонь.

— Осторожно! — то и дело раздаётся вокруг.

Эти опасения не напрасны, пока еще РРБ сохраняют контроль над собой, и только спустя две недели в Нанте они совершат непоправимое, открыв огонь по бастующим и убив двадцатипятилетнего каменщика Жана Риголе.

Вскоре в цехе не остается ни одного полицейского. А сколько их было здесь всего несколько минут назад? Возможно, около тысячи против вчетверо большего числа бастующих. Едва мы оказались на улице, как наше внимание привлекли самолеты, идущие на посадку на аэродром Монтуар, расположенный неподалеку. Все поняли: сытые по горло неудачами, легавые затребовали подкрепления, которое и прибыло без проволочек. Сейчас шестнадцать часов, и у всех — и у рабочих, и у РРБ — подвело животы от голода, никто не ел с самого завтрака. Бой в котельном цехе длился два часа, почти все время шел врукопашную и потребовал большой физической выносливости. **И может быть, именно поэтому победу одержали рабочие — они привыкли равномерно распределять свои силы на восемь часов работы, смогли воспользоваться тем, что были физически лучше подготовлены, и это позволило им не сбавлять темпа на протяжении всего боя. А знание места только увеличило их преимущество.**

На полчаса противники располагаются на своих позициях: и та и другая сторона нуждается в передышке. Но после шестнадцати тридцати, когда придут свежие части, силы порядка предпримут попытку вернуть себе инициативу и изгнать с территории верфи пятнадцать тысяч бастующих. Главный

подступ к пей по-прежнему закрыт баррикадой, сооруженной из вагона, груженного листовой^{Стр.7} сталью, и перевернутого подъемного крана. РРБ же овладели тремя доками, расположенными параллельно, словно зубья гребешка, ручкой которому как бы служит портовый бассейн Пеноета. Доки наполнены водой, и их ворота, которые позволяют их изолировать от бассейна, открыты. Только ворота дока № 1, тоже наполненного водой, закрыты — по ним можно попасть на территорию.

Этот док издали кажется самым большим — после войны он был удлинен, чтобы принять пассажирское судно «Иль де Франс», и обозначает границу территории Поноет, протянувшись почти на триста метров. Небольшая стенка со стальной решеткой поверху огораживает набережную шириной в несколько метров, а по другую сторону стенки, на территории, бушует людское море.

Именно на этой узкой полоске земли РРБ, прикрытые стеной, вступают в бой, пытаясь очистить территорию по другую сторону дока. Несколько рот занимают позиции на набережной, общей для доков № 1 и № 2, и быстро овладевают их воротами. Этот мостик длиной метров в двадцать позволяет им вступить на территорию, правда, не без труда, ибо им противостоит плотная толпа пролетариев, которые завладели всем Пеноетом.

Достаточно было взорваться несколькими гранатами, и поле боя переместилось. Но ветер не изменил направления и остается благоприятным для рабочих. РРБ сами немало страдают от слезоточивых газов и все-таки упорно продолжают швырять гранаты в толпу, несколько ребят падают на землю. Пока что эта зона была занята мирно настроенными рабочими, которые не принимали никакого участия в столкновении. Но едва несколько человек было ранено, толпа разъярилась.

Силы порядка вводят в бой еще несколько сот человек и, продвинувшись метров на пятьдесят, там закрепляются. Иными словами, они доходят почти до Союза предпринимателей, прилегающего к улице Пеноет.

Этот домишко был здесь поставлен сразу после войны, и рабочие всегда подчеркнуто игнорировали его. Но сейчас, когда он вдруг оказался в центре их борьбы за самое насущное и мозолил глаза,— это было воспринято как провокация. Стекла разбиваются вдребезги. Секретарь союза поспешно покидает помещение. И через несколько минут густой дым доносит до нас запах гари.

Я не был свидетелем этого пожара. Одни рабочие говорили, что домишко был подожжен какими-то пьяными парнями, другие — с такой же убежденностью,— что пожар был вызван гранатами РРБ. Как бы там ни было, приезжают пожарные. Рабочие их не пускают, и это им легко удается, потому что пожарные помнят о бурной встрече, которую им устроили рабочие сегодня утром, когда горела будка охраны. Вскоре на месте дома пылает гигантский костер, дым от него стелется в сторону легавых.

Решимость рабочих снова взяла верх над тонкой стратегией РРБ. С покорной поспешностью, если не с охотой, пожарные дали себя разоружить. И вот уже мощные струи из шлангов косят ряды полицейских. Продвинувшись слишком глубоко по фронту, протянувшегося метров на тридцать, РРБ еще раз терпят серьезную неудачу. На их левом фланге у набережной Меан идет строительство судна, на нос которого забралось несколько десятков забастовщиков, они буквально нависают над головами сил порядка. И на самой набережной тоже полно пролетариев, укрывшихся на территории во время атаки РРБ. Именно этот фланг наиболее опасен для легавых, дубинки которых уже мало на что годятся.

Ребята включают шланги со сжатым воздухом, и вскоре кажется, что ты на стрельбище. Можно различить стрелков и подносчиков боеприпасов. Пока один держит шланг согнутым, чтобы воздух не вышел, подносчик с другого конца запихивает гравий и мелкий металлический лом, затем стрелку остается прицелиться в движущуюся мишень из мундиров, подстраховать шланг, чтобы удержаться, то есть амортизировать страшный толчок, который сотрясет шланг от волны сжатого воздуха. Тогда он орет «отпускай!» парню, что держит шланг согнутым. «Снаряды» выбрасываются под высоким давлением и летят дальше чем на пятьдесят метров. Эти миниатюрные пушки причиняют немалый ущерб полицейским. «Огнеметы» довершают начатое и к тому же разбивают скопление слезоточивых газов. Осажденные с трех сторон, РРБ снова вынуждены вывести свои части из боя. Они отступают добрых четверть часа, иногда переходя в атаку, чтобы убрать раненых и сделать вид, будто отходят по своей воле.

В это время часть рабочих перелезла через баррикаду с другой стороны дока и, как настоящие камикадзе, ринулись на штурм РРБ, которые их тут же арестовывают. Но ненадолго. Словно Панургово стадо, сотни ребят перелезают через вагон и бросаются на легавых. Затащив рабочих в свои ряды, чтобы затем увезти их с собой, и так и не сумев их полностью нейтрализовать, РРБ оказались зажатыми в смешанной толпе; теперь опасность грозит им изнутри, дисциплина уже не помогала, и они снова столкнулись с проблемой, которую не могли решить.

Рабочий, привыкший каждый день укрощать материю, снова возьмет верх над тем, кого^{Стр.8}
он считает паразитом общества. Схватка снова происходит врукопашную. Дубинки и стальные прутья быстро отбрасываются в сторону. Остается только два человека — лицом к лицу. Они находят одинаковые доводы и действуют одинаково.

— У-у, дармод! — орет один.

— Сам ты дармод,— отвечает другой.

И зачастую это... тип из РРБ начинает перебранку, прибегая к таким выражениям. Оба плюют друг другу в физиономию, потом обхватывают один другого и катаются по земле, как борцы на ярмарке, забыв о тех, кто шагает прямо по ним, и главное о том, что «благонамеренные» люди называют достоинством.

Во время социальных потрясений мне странно слышать разглагольствования о достоинстве. Если бы в 1789 году санкюлоты стали беспокоиться о своем достоинстве, вместо того чтобы насаживать отрубленные головы на острие пик, большинство этих темных людей так и осталось бы до сих пор забитыми крепостными, с которых драли бы три шкуры за милую душу. Попробуйте-ка внушить этим «благонамеренным», что если они и живут припеваючи, то лишь потому, что революция победила!

На обоих концах дока № 1, отстоящих друг от друга на триста метров, происходит одно и то же: легавых гонят взашей, а они без приказаний как без рук, огрызаются, словно затравленный зверь, и сдают позиции. Очень скоро они оказываются загнанными на «переходной мостик» дока № 1, а несколько десятков их товарищей, не ожидавших столь стремительного отступления, не смогли вовремя отбиться и оказались окруженными на набережной, которая идет вдоль территории. Их прижали к доку, и судьба их решается в несколько минут: отступив перед огнем факелов из пропана, им остается только прыгать в воду. После короткой кулачной схватки, прерываемой нечеловеческими криками, бастующие и РРБ летят вперемешку в тепловатую воду дока. Разгоряченные боем, они еще отвешивают друг другу несколько оплеух, а затем вплавь добираются до набережной; полицейские, конечно, до той, что граничит с доком № 2.

Столкновение длится уже почти час и достигает такого накала, что обе стороны жаждут передышки. Она наступит сама собой с семнадцати тридцати, когда люди догадаются о серьезности столкновения, заметив, что машины «скорой помощи» стали курсировать все чаще. Минутное беспокойство за товарищей, но уже через четверть часа волна враждебности снова начинает подниматься в пролетариях. В сторону РРБ еще летят отдельные «снаряды», но сказывается усталость — близится час окончания работы. У меня болят руки и плечи так, словно я весь день бил кувалдой. РРБ швыряют обратно наши «снаряды», но и у противника также становятся заметны признаки сильной усталости.

Я узнаю, что кафе Пеноета получили от префектуры предписание о закрытии вплоть до нового распоряжения. Это предписание выполняется неохотно, некоторые быстро закрываются... но продают выпивку с черного хода. Так или иначе, но решение префектуры принято слишком поздно, чтобы дать результаты.

Вдоль линии фронта идет обмен «любезностями», слышится ругань, издевательства, обзывают друг друга рогоносцами. Иногда даже завязывается короткий диалог; кое-кто пытается понять противника.

Один из делегатов выходит на середину узкой полоски земли, что разделяет враждующие стороны, и обращается к бастующим.

— Товарищи,— говорит он громко,— после стольких месяцев повседневной борьбы за наши справедливые требования не досадно ли констатировать, что правительство — это послушное орудие предпринимателей, вместо ответа направляет против нас силы репрессии, но полицейские только исполняют полученный приказ...

— Заткнись, не принимай нас за идиотов,— бросает какой-то парень.

— ...полицейские будут нужны всегда,— спокойно продолжает делегат,— но в демократическом государстве силы порядка были бы на службе трудящихся, а не на содержании у реакционной буржуазии.

Такого рода речей я уже наслушался во время социальных конфликтов... и РРБ тоже. Их офицеры не пресекают подобного краснобайства в отличие от пламенных призывов к легавым осознать, какую роль они играют. Стоит только какому-нибудь парню крикнуть: «Полиция с нами!», сейчас же раздается команда атаковать рабочих или забросать их гранатами. Пройдет еще несколько лет, мы переживем войну в Алжире, ее критическую фазу, **и лишь тогда станем свидетелями попыток призвать полицейских отказаться исполнять свои обязанности.** А пока мы занимаем выжидательную позицию, хорошо знакомую всем социальным или политическим группировкам, сталкивающимся лицом к

лицу с силами порядка. Молодежь не теряет уверенности и делает свой выбор.

— Я себе наметил одного,— обращается парень к кому-то из приятелей,— сейчас ему врежу.

Итак, каждый делает свой выбор, основываясь лишь на том, понравилась ему рожа легавого или нет. Легавые придерживаются того же: этот щенок воображает себя бывалым человеком, погоди! И легавый прикидывает, как покрепче врезать дубинкой этому щенку по рылу. Таковы уличные бои, здесь для всех одни правила, но, если кто-то не пожалеет своей шкуры, ему воздадут благодарность от имени всей нации или сделают из него мученика, погибшего «за правое дело». **А буржуа, сидя перед телевизором, следят за всеми этими перипетиями безразличным взглядом дремлющего пса, которого мало трогает драка двух ребятшек.**

Уже всем невмоготу. Статус-кво восстановлено. И все же этот день принес нам уверенность, во-первых, в том, что РРБ потерпели поражение, не только не заняв нашей территории, но дважды получив коленом под зад. И во-вторых, а это еще важнее, в том, что события начинают принимать политическую окраску, и это перевесит чашу весов.

Территория постепенно пустеет, рабочие автобусы и поезда заполняются человеческим грузом. Все уже сыты по горло, РРБ почему-то застыли на месте, а ведь если бы они начали атаку, возможно, исход был бы в их пользу. Я замечаю, как постепенно все расходится, мне тоже пора убираться восвояси. Потихоньку я отстаю от компании парней, с которыми был вместе всю вторую половину дня, и теряюсь в толпе. Скоро семь, с самого утра у меня не было и крошки во рту, все тело болит, я смертельно устал, с трудом соображаю, но чувствую себя странно счастливым. Я нахожу свой велосипед там, где его оставил, и радуюсь тому, что насос по-прежнему прикреплен к раме. На какое-то мгновение вспоминаю, как я налетел на типа из РРБ, оторвал его от земли и как он грохнулся на кучу металлического лома, а его каска весело зазвенела. Я ловлю себя на том, что люблю себя, и, устыдившись, быстро вскакиваю на велосипед.

В «Холостяке» готовятся к ужину. Как следует освежаюсь холодной водой — ив столовую. Но то, что там происходит, удивляет меня. Уткнувшись в тарелки, люди угрюмо насыщаются, и только за одним столом творится черт знает что: там возбужденно орут, торопятся скорей пожрать, чтобы успеть вернуться и опять сцепиться с РРБ. За каждым столом я вижу одного или нескольких перевязанных парней.

— Заткнитесь! — чей-то голос вдруг перекрывает орущих.

Все мгновенно замолкает и напряженно прислушивается к тому, что говорят по радио, установленному в столовой. Патетическим, гнусавым голосом парижский диктор комментирует события в Сен-Назере. Среди забастовщиков будто бы насчитывается несколько сот раненых, трое тяжело, среди жандармов около шестидесяти раненых и около сотни среди РРБ.

— У них своя арифметика,— иронизирует какой-то парень.

— В следующий раз не будут такими идиотами,— слышится в ответ.

Диктор сообщает, что благодаря ходатайству сенназерского мэра арестов не произведено. Это должно пойти на пользу тем, кто отвечает за порядок и не заинтересован раздувать пожар. Берут интервью у профсоюзного руководителя; он заявляет, что многие видные деятели осуждают позицию предпринимателей. Затем мы слушаем представителя дирекции, который объявляет о том, что судоверфь завтра будет закрыта, чтобы привести все в порядок, в частности якобы испорченный коммутатор и оборванные провода. В заключение диктор сообщает об ожидающемся подкреплении сил полиции.

В ответ раздается буря негодующих криков.

— Будто им мало досталось сегодня, легавым этим,— слышно за всеми столами.

Я молча ем за четверых. Пытаюсь собраться с мыслями, но мне это не удается. Передо мной беспорядочно мелькают неясные картины, напоминающие расплывчатые фотографии, снятые неотрегулированным аппаратом. Лишь один образ в этом калейдоскопе отчетлив — это тип из РРБ, которому я врезал. Его фигура предстает передо мной, окруженная сияющим ореолом и в уморительно угрожающей позе.

Но вот отдаленный шум рвущихся гранат доносится до нас вместе с порывами морского ветра через широко открытые окна, нарушив покой дивного летнего вечера. Ошибиться невозможно; это глухие разрывы ручных гранат. Это означает, что идет ближний бой на территории. Как ужаленные, ребята повскакали из-за столов, опрокидывая на бегу стулья.

— В Пеноет!

— В Пеноет!

Клич накатывается как волны на берег. Ребята вскакивают на велосипеды и жарят к Пеноету. Совершенно очумелый от усталости, я никак не реагирую на эти волнения. Отправляюсь в свою конуру и

проваливаюсь в целительное забытие.

В среду 2 августа 1955 года просыпаюсь поздно. Мне стоит невероятных усилий подняться с постели, я весь разбит, на мне нет живого места. На какое-то мгновение я попытался себе представить, что же тогда должны испытывать все эти сгорбленные в три погибели старики, которые едва плетутся по улице. Моя правая рука повисла плетью, и, едва я хочу ею двинуть, у меня вырывается стон — такую боль я чувствую в плече. Вчера я швырял столько камней и столько отвесил ударов, что сегодня не представляю никакой опасности. Мало того, во время завтрака я с досадой обнаруживаю, что для меня пытка жевать даже бутерброд. И тогда вспоминаю, что мне заехали дубинкой пониже левого уха. Это случилось в цехе во время рукопашной, к счастью, я уклонился от прямого удара, и все же дубинка задела меня. В пылу боя это было вроде комариного укуса и только еще больше распалило мою злость, но сегодня утром, на холодную голову, я не испытываю ни малейшей охоты снова связываться с РРБ. И утешаюсь тем, что и они, должно быть, не горят желанием схватиться с нами.

Раз сегодня объявлен локаут, я не больно-то тороплюсь и только к половине девятого появляюсь на территории, уже раскаленной жарким солнцем. Нас относительно немного, тысяч восемь, в основном живущие в Сен-Назере, ребята из других мест не приехали.

Говорит Раме, он объявляет, в частности, что раненые вчера будут считаться получившими производственную травму. Потом длинной вереницей мы отправляемся в инспекцию труда, катя велосипеды рядом с собой. По дороге комментируем вчерашние события, каждый по-своему. Еще поздним вечером на территории продолжалась схватка, и только с наступлением ночи воцарился покой: сражение закончилось, поскольку не стало бойцов. Хотя говорили, будто бы бастующие и РРБ еще продолжали биться в коридорах больницы за право первым получить помощь.

После короткой встречи с инспектором по труду наши делегаты повели нас к супрефектуре, где их должны были принять. Однако внутренний двор супрефектуры оказался запружен мундирами. И опять раздались ругань и насмешки. Обстановка опять накалилась. Неужели снова начнется заваруха? Я чуть-чуть встревожен потому что не чувствую себя готовым к потасовке. В конце концов делегаты, перед тем как их принял представитель правительства, добиваются отвода РРБ. Мы прозагорали несколько часов, сидя прямо на шоссе под удивленными взглядами зевак, которые, судя по всему, не понимали, зачем мы сюда явились.

Вышли делегаты и сообщили сначала, что министр труда назначил посредника, затем, что муниципальный совет во главе с мэром Франсуа Бланшо — который управлял когда-то клепальной машиной, а впоследствии стал министром, но никогда не скрывал своего происхождения — заверяет нас в своей симпатии и, наконец, что дирекция ввиду конкуренции на международном рынке не в состоянии пойти на дальнейшие уступки.

После этого все стали разбредаться. Близился полдень, и новую встречу назначили на тринадцать тридцать на территории Пеноет. Я иду обедать в «Холостяк» и слышу по радио, что кафе будут закрыты до нового распоряжения и что докеры прекратили работу в знак солидарности. Между тем самолеты доставляют подкрепление полиции.

Измученный болью в руке и выведенный из строя, я решаю не возвращаться в Пеноет. Всю вторую половину дня провожу в постели, наслаждаясь прохладными сумерками комнаты. Я размышляю обо всем понемногу, и в частности о том, как изменились мои взгляды под влиянием рабочей среды с тех пор, как я приехал в Сен-Назер. Каким далеким кажется мне то время, когда я жил будничными заботами, не задаваясь никакими вопросами. Теперь я понимаю, что жизнь у человека долгая и должна быть насыщенной, чтобы казаться короткой.

Таким образом, только в среду утром я снова появляюсь в Пеноете. И застаю митинг перед началом рабочего дня. Наши профсоюзные делегаты объявляют, что этой ночью, в два часа, было достигнуто согласие между префектом, дирекцией и профсоюзами насчет того, что в пятницу начнутся переговоры; после всех событий власти и хозяин проявляют большее понимание. Одно из предварительных условий начала этих переговоров — возобновление работы, поэтому делегаты просят нас выразить свое мнение.

Решено провести открытое голосование.

— Пусть те, кто не желает возобновить работу, поднимут руки, — объявляет делегат. Поднимается не больше сотни рук.

— Кто воздержался? Руки никто не поднимает.

— За возобновление?

Подавляющее большинство. Без всякого сомнения, работа возобновится через несколько минут, после того как столько дней подряд цехи пустовали. Механизм сработал. Не забыть сделать фаску на

краю балки. Кое-кто назовет это профессиональной совестью, некоторые воспримут как проявление достоинства; другие — как глупость, для меня же это сугубо личный вопрос, возможно, способ поддержать интерес к жизни. Стр.11

Через каких-то полчаса цехи загудели, но это лишь видимая активность по сравнению с обычной лихорадочкой выколачиванием процентной надбавки. Я уже толком не знаю, как теперь развивается конфликт; для меня он свелся к больной руке. Итак, снова взялись за работу, доверившись делегатам, которые отправятся в Париж сражаться с генеральным директором.

Назавтра делегаты садятся в поезд, сопровождаемые мэром Сен-Назера. Следующий день не приносит никаких событий. Но в пятницу, в конце рабочего дня, проводится забастовка в поддержку делегатов в Париже. У них сейчас горячая пора. Переговоры продлятся добрую неделю, половину в Париже, половину в Сен-Назере, а рабочие пока будут проводить кратковременные забастовки, митинги, иногда бить морды, иногда сводить счета. Неделя эта не даст окончательного соглашения и тем не менее станет решающей.

Закончатся переговоры в министерстве труда. И вторник 16 августа станет одним из самых славных дней французского профсоюзного движения. В этот день Бюссон, Мальное, Раме и Ромбо объявили нам о подписании договора, положившего конец почти семимесячному конфликту. Результат превзошел все ожидания! зарплата была повышена на 22% (ДВАДЦАТЬ ДВА ПРОЦЕНТА). Пусть каждый, кто читает эти строки, прикинет, насколько повысилась бы его заработная плата, тогда он лучше поймет ту неудержимую радость, которая охватила толпу пролетариев. Рассказывали, что Раме сразился с директором, орудуя счетной линейкой, и что директор по ошибке не туда поставил запятую. Так или иначе, но это победа всего рабочего класса Сен-Назера, начиная от уборщика отхожих мест до профсоюзного делегата, к какой бы политической партии они ни принадлежали.

Во второй половине дня профсоюзы проводят референдум. Для одобрения результатов переговоров надо сказать «да» или «нет», третьего не дано. Сомнений быть не может — это будет «да» искреннее и единодушное. В лачугах, домишках и стандартных домах-коробках слишком долго затягивали потуже пояса, поэтому оценили результат по достоинству.

Голосование затянулось. Я слоняюсь один по территории. Жарко. Кафе бойко торгуют. Я иду вдоль дока № 1. Белая пыль усеяна черноватыми пятнами, как промокашка, которой только что промокнули. **Кровь, и снова кровь, и ничем не отличишь кровь пролетария от крови РРБ.** Пристально вглядываясь, я суеверно обхожу каждое пятно.

Результат голосования уже известен, восемьдесят два процента сказали «да». Конфликт закончен. У меня гора свалилась с плеч, а у отцов семейств тем более. Атмосфера праздничная. На сегодня дел больше нет, вкалывать начнем завтра, поведем отсчет от нуля, и все пойдет как по маслу. Во всяком случае, в Сен-Назере...

Ибо в Нанте через несколько дней разворачиваются такие же события. Для нас работа началась, но наше внимание приковывает Нант. Два дня потасовок, а на третий день двадцатипятилетний парень Жан Риголе рухнул замертво, сраженный пулями легавых. Мы устраиваем две кратковременные забастовки солидарности, первую на следующий день после его смерти, а вторую в день его похорон. В этот день длинная молчаливая процессия из двенадцати тысяч металлистов Сен-Назера возложила к памятнику погибшим большой венок из красных роз. В Нанте, так же как и в Сен-Назере, лишь после того как рабочая кровь обагрила мостовую, конфликт закончился в пользу наиболее производительного класса нации и... в ущерб префекту Верхней Луары, который ушел в отставку через несколько дней после разыгравшейся драмы.